

КОНТУРЫ КУЛЬТУРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

С. Б. Игнатов, В. А. Игнатова

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия
Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

The Contours of The Culture of Sustainable Development

S. B. Ignatov, V. A. Ignatova

Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia
Tyumen Federal University, Tyumen, Russia

В статье рассматриваются некоторые подходы к пониманию культуры устойчивого развития. Обсуждаются ее контуры. В качестве ее основания выделяются коэволюционный императив, ноосферное мировоззрение и глобальное мышление. Отмечается дискуссионность позиции ее взаимосвязи с экологической культурой.

Ключевые слова: императив, культура, устойчивое развитие, цивилизация.

The article discusses some approaches to understanding the culture of sustainable development. Its contours are discussed. Its basis are the co-evolutionary imperative, noospheric world outlook and a global mindset. The debatable position of its relationship with environmental culture is noted.

Keywords: imperative, culture, sustainable development, civilization.

Начиная с шестидесятых годов XX века, наиболее актуальным направлением мировой повестки дня становится обсуждение модели устойчивого развития (УР), условий, факторов и средств успешности ее строительства. В многочисленных международных и отечественных документах, а также методологических исследованиях, посвященных проблемам перехода человечества к новой эпохе, подчеркивается, что для поддержания устойчивого развития цивилизации необходимо создать новую структуру социальных отношений, позволяющих согласовывать сегодняшние потребности человечества с заботой о будущих поколениях и сформировать у населения новые правила взаимодействия с природой.

По мере осмысления мировым сообществом проблем и перспектив этого перехода пришло осознание необходимости создания нового образца культуры — культуры устойчивого развития, в основании которой лежат коэволюционный императив, ноосферное мировоззрение и глобальное мышление. Экономика, производство, техносфера, которые отражали достижения индустриального общества и его динамику, в эпоху устойчивого развития становятся ее производными.

Проблема необходимости трансформации культуры в процессе перехода к новой эпохе неоднократно рассматривалась на международных конференциях ЮНЕСКО, юбилейной конференции ООН «Рио + 20» (2012 г.) и многих других совещаниях и саммитах. В принятых ими декларациях содержится призыв к мировому сообществу сделать культуру основой политики УР, отмечается, что культура — ключ к устойчивому развитию, созидатель желаемого будущего и «нового» человека как его части. Она выступает способом гармо-

ничного соединения человека с природой на основе глубокого познания и понимания сущности природы, которая из объекта деятельности человека должна превратиться в его партнера и равноправный субъект взаимодействия. Подчеркивается роль диалога культур, образования и просвещения в формировании универсальных ценностей культуры устойчивого развития [18].

К изучению феномена «культура устойчивого развития» и проблемам ее становления сегодня все больший интерес проявляют философия, обществознание, культурология, аксиология, акмеология, социология, педагогика, общая и возрастная психология, юриспруденция и другие сферы познания человека, его поведения и деятельности и их регулятивов. Однако до сих пор нет четкого определения самого понятия «культура устойчивого развития». Пока намечаются лишь ее контуры и отдельные черты. Нет полного понимания, чем она отличается от уже достаточно изученного объекта «экологическая культура».

Научные поиски ведутся с использованием, главным образом, филогенетического и онтогенетического подходов. В рамках филогенетического (цивилизационного) подхода раскрываются истоки и предпосылки для разработки методологии и теории культуры УР, зарождающиеся в общем потоке исторического развития, в процессе восхождения человечества от первобытности к постиндустриальной цивилизации. В рамках онтогенетического (психолого-педагогического) подхода рассматривается восхождение отдельной личности к идеям и идеалам устойчивого развития, условия и факторы его успешности.

В логике этих подходов исследования развиваются в нескольких направлениях:

— методологические, ориентированные на поиски философских оснований культуры УР и ее преемственности с экологической культурой;

— феноменологические, акцентирующие внимание на раскрытии или уточнении ее сущности и содержания;

— психолого-педагогические, направленные на разработку методик и технологий ее формирования на разных ступенях обучения, выявление условий и факторов, способствующих успешности «вращения» человека культуры устойчивого развития;

— социологические (эмпирические), связанные с изучением, мониторингом и обобщением практического опыта формирования культуры УР.

К изучению отдельных сторон культуры УР обращались многие российские и зарубежные специалисты (J. Hawkes, J. Desein, W.F. Garrett-Petts, А. Печчи, Э. Ласло, О. С. Анисимов, С. Н. Глазачев, Э. В. Гирусов, Н. М. Мамедов, Н. Н. Моисеев, А. Д. Урсул и др.) [1, 2, 6–11, 13–17]. Как полагают некоторые исследователи, предтечей культуры УР, ее стартовым началом может стать экологическая культура (ЭК). Однако это вопрос дискуссионный.

Конечно, экологическая культурология построила методологию и теорию формирования ЭК и на сегодняшний день накопила в этом плане богатейший практический опыт. Особо следует отметить достижения школы экологической культурологии профессора С. Н. Глазачева. В рамках ее исследований изучены теоретические аспекты ЭК [7], ее философские основания, методология и методика ее формирования у разных категорий обучающихся. Выявлены место и роль ЭК в культуре мира [8], показана актуальность акмеологического изучения этого феномена [1, 9]. Обоснована и конкретизирована ее понятийная матрица. Успешно продолжаются работы по исследованию вхождения ЭК в мировой ноосферный проект [2]. И культурология устойчивого развития может успешно использовать этот опыт.

Однако, если исходить из концептуальных оснований УР, то просматриваются их существенные различия. Освоение человеком экологической культуры, иррациональное и рациональное постижение своей взаимосвязи с природой продвигает его к вершинам духовности и постижению своей космической роли [1, 9]. Она гуманитарна по своей природе. Ее поле соткано из множества субкультур. В ее формировании в равной мере значимы разум, чувства, верования, традиции, практический опыт поколений. Глобализованная культура УР в большей степени опирается на рациональное знание и, по сути, является технократической.

Вопросы культуры УР находились в центре внимания одного из выдающихся мыслителей конца двадцатого столетия Н. Н. Моисеева [16, 17]. Исследуя философские аспекты проблемы УР, он использует понятие «коэволюционный» (экологический) императив, рассматривая его как систему научно обоснованных норм, правил и предписаний, строго регламентирующих поведение человечества в биосфере, и запретов на деятельность, опасную для раз-

вития цивилизации. Их неукоснительное выполнение способствует практической реализации коэволюционной стратегии развития, в рамках которой одним из ключевых действий общества и государства становится жесткое регулирование всех сторон жизнедеятельности человека. Несмотря на то, что в современном общественном сознании пока нет однозначного отношения к проблеме регулирования, все же именно оно является важнейшим фактором сохранения устойчивости социоприродной среды, а значит, и основой выживания человечества в условиях истощения природных ресурсов Земли. И чем дальше мы заглядываем в будущее, тем это регулирование представляется все более жестким и бескомпромиссным.

Ограничение поведения и деятельности человечества рамками коэволюционного императива, приоритетность необходимости над свободой, наличие элементов принуждения во имя сохранения благоприятных условий для жизни будущих поколений остаются в рамках гуманизма УР и служат гуманным целям. Но они вкладывают новый смысл в понятие «гуманизм». Рассматривая «новый гуманизм» — гуманизм устойчивого развития, Н. М. Мамедов отмечает, что его базу составляют коэволюционные ценности. В их основе лежат идеи холизма, универсальности и значимости природы в жизни человека, видение его как ответственного и деятельного субъекта, создателя культурно-исторического процесса. Коэволюционные ценности формируют аксиологическую основу культуры УР. Новые ценностные ориентации формируют новые мировоззренческие установки и новый характер потребностей личности, мотивируют ее устремления к деятельности, обеспечивающей коэволюцию общества и природы [13–15]. В условиях УР гуманизм становится прагматическим. В его рамках социально значимо, нравственно и морально все то, что исходит из необходимости сохранения качества среды обитания человека в интересах ныне живущих и будущих поколений, но при этом не ущемляет разумных потребностей и интересов отдельной личности. С этих позиций оказываются гуманными все процессы регулирования жизнедеятельности человека.

На ранних этапах развития общества регулятивную функцию выполняли эмпирический опыт, традиции, мифологии, религии. Заложенные в них морально-нравственные нормы формировали правила и модели поведения человека в природе. Они составляли основу народной экологической этики, создавали предпосылки действий, ориентированных на сохранение и развитие человеческого и природного бытия. До определенного времени это позволяло сохранять устойчивость биосферы. Однако в индустриальную эпоху, характеризующуюся мощным антропогенным давлением на природу, для сохранения природы и строительства с ней партнерских отношений этих средств недостаточно. Необходимо знать законы ее развития и использовать их для научного обоснования этических норм взаимодействия в системе «человек — общество — природа». Выработанные на их основе нормы общественной морали, закрепляют правила и модели поведения человека в природе, как желательный стандарт [3, 5, 12, 19].

Более строгим регулятивом являются научно обоснованные, законодательно оформленные нормы поведения и деятельности человека в природе, обязательные к неукоснительному исполнению. Экологическое право в наиболее четкой форме выражает и практически реализует требования коэволюционного императива. Его «жесткие» нормы служат основой принятия оперативных решений государственных органов в преодолении неустойчивостей, возникающих в быстроменяющихся и зачастую непредсказуемых условиях. Защищая права человека на жизнь в благоприятной природной среде, оно и обязывает его поддерживать ее качество и использовать лишь дозволенные правом образцы поведения и деятельности. Законопослушный гражданин добровольно выполняет его предписания. Незаконнопослушного — принуждают их выполнять. Нарушение его норм и правил влечет за собой наказания разной степени тяжести [4, 11].

Обе формы регулятивов отражают требования коэволюционного императива. И та, и другая основывается на знании законов природы, которые задают «берега» возможных способов деятельности и поведения. В них отражены все важнейшие стороны бытия человека: природная, культурная, нормативная. И в этом плане их нельзя отделять одну от другой, они выступают в диалектическом единстве, дополняя друг друга, и проявляются в должностовании и экологической ответственности человека.

Успешность перехода к устойчивому развитию во многом возлагают на правовые регулятивы. В этом контексте одной из важнейших составляющих культуры устойчивого развития становится эколого-правовая компетентность как основа стиля жизни человека новой эпохи. Она является важнейшим средством его адаптации к реалиям жизни в условиях устойчивого развития, выступает в качестве основного регулятива отношений с социоприродной сре-

дой и характеризует его как гражданина. Перекрываясь с теми сферами постижения окружающего мира, которые направлены на обоснование норм поведения и формирование ответственности, она становится неотъемлемой частью культуры УР, усиливая ее деонтологический ракурс [11].

Как видим, ядро культуры устойчивого развития составляют идеалы и ценности УР. Она зиждется на фундаменте коэволюционного императива. В контексте УР поле культуры расширяется, в нем просматривается четко выраженная деонтологическая направленность, усиливается регулятивная функция права. Приоритетной становится ответственность перед потомками. Гуманизм обретает природоцентрический характер.

«Человеку, принявшему на себя обязательство жить в рамках коэволюционного императива, необходимо научиться сочетать рациональность и душевные порывы, найти между ними золотую середину, прочувствовать всю сложность ситуации, отказаться от роскоши, добровольно ограничить потребление, изменить свои ценности и приоритеты, подчинить свою личную свободу коллективному выбору» [16].

Вся сложность в том, как это осознать и еще сложнее, как реализовать? По плечу ли это каждому человеку? Сделать это по приказу невозможно, все это должно произрастать изнутри него самого. А общество должно подготовить для этого плодородную почву, изменить социальные ориентиры, образование и общественное воспитание, посеять и взрастить в душе каждого человека семена ответственности не только за себя, но и за весь мир, помочь понять, что все мы ветви одного дерева, и время требует поступков от каждого человека. Из этого следует необходимость трансформации системы образования как ключевого фактора успешности перехода общества к устойчивому развитию.

Литература

1. Анисимов О. С., Глазачев С. Н. Экологическая культура: восхождение к духу. Поиски духовно-нравственных оснований коррекции образования и культуры. М.: МГУ им. М. А. Шолохова, 2005. 186 с.
2. Анисимов О. С., Глазачев С. Н., Глазачев О. С. Идея ноосферы и перспектива мирового проекта: цивилизационный подход. Вестник Международной Академии Наук. Русская секция. 2018; 1: 101–108.
3. Борейко В. Е. Прорыв в экологическую этику. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 2005. 208 с.
4. Бринчук М. М., Урсул А. Д., Мاستушкин М. Ю. Правовые аспекты устойчивого развития. М.: Ступени, 2005. 304 с.
5. Василенко А. И. Экологическая этика: от натурализма к философскому профессионализму. Вопросы философии. 1995; 3: 37–42.
6. Гирусов Э. В. Экологическая культура — основа устойчивого развития. Вестник экологического образования в России. 2009; 4: 4–5.
7. Глазачев С. Н. Экологическая культура учителя. М.: Современный писатель, 1998. 431 с.
8. Глазачев С. Н., Анисимов О. С., Глазачев О. С. Культура мира: взгляд из России. Вестник Международной Академии Наук. Русская секция. 2016; 1: 40–43.
9. Глазачев С. Н., Гагарин А. В. Экологическая культура как вершинное достижение личности: сущность, содержание, пути развития. Вестник Международной Академии Наук. Русская секция. 2015; 1: 20–23.

10. Игнатова В. А. Экология и культура: на пути к интеграции. Тюмень: Вектор Бук, 2004. 262 с.
11. Игнатов С. Б. Экологическая культурология. Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. 136 с.
12. Канке В. А. Этика ответственности: теория морали будущего. М.: Логос, 2003. 352 с.
13. Мамедов Н. М. Культура устойчивого развития. Век глобализации. 2012; 2: 6–13.
14. Мамедов Н. М. Феномен культуры и устойчивое развитие. Вестник Герценовского университета. 2013; 3: 54–63.
15. Мамедов Н. М. Культура устойчивого развития как важнейшее условие гармонизации социально-экономического и экологического развития: Стратегия экологического образования как образования для устойчивого развития. Колл. моногр. Под ред. Н. Д. Андреева, С. В. Алексеева. Н. Новгород — СПб: НГПУ, 2009. С. 7–17.
16. Моисеев Н. Н. Нравственность и феномен эволюции. Экологический императив XXI века. Общественные науки и современность. 1994; 6: 131–139.
17. Моисеев Н. Н. Современный рационализм. М.: МГВП КОКС, 1995. 376 с.
18. Культура устойчивого развития: от идеи к реальности. / Материалы конференции ЮНЕСКО. Составитель и ответ. редактор Н. М. Мамедов. Баку, 2013. 346 с.
19. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992. 576 с.

Сведения об авторах:

Игнатов Сергей Борисович — к. п. н., доцент кафедры гуманитарных наук и технологий Тюменского индустриального университета

Игнатова Валентина Александровна — д. п. н., профессор кафедры моделирования физических процессов и систем Тюменского государственного университета. E-mail: ignatoff.se2017@yandex.ru